

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СТИЛИСТИКИ

А. В. ФЕДОРОВ

В ЗАЩИТУ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ СТИЛИСТИКИ

Одно из важнейших достижений советской филологии — утверждение принципа историзма в подходе к разнообразным языковедческим проблемам, в том числе — к проблемам стилистики. Сама стилистика как научная языковедческая дисциплина сложилась в нашей стране совсем недавно, а методологическая основа, на которой она развилась и окрепла, определила и принципиальное ее отличие от концепций зарубежной филологии. Одним из характерных отличительных моментов нашего подхода к проблемам стилистики является именно принцип историзма.

Три десятилетия тому назад Шарль Байи в своем «Трактате о французской стилистике» — труде, характерном для общелингвистических концепций школы Ф. де Соссюра, — отрицал возможность исторического изучения стилистических явлений. «Что существует историческое языкознание, — писал он, — это само собою разумеющаяся истина; стилистика же не может быть исторической в том смысле, как обычно понимается этот термин в применении к языку, т. е. основанием для ее исследований не могли бы служить ни факты, поддающиеся наблюдению, взятые в отдельности, ни даже целые комплексы фактов... Говорящий субъект, непосредственно пользующийся своим родным языком, всегда осознает лишь определенное его состояние, но отнюдь не его эволюцию или перспективу во времени»¹.

Работы советских филологов (В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, Г. О. Винокура), посвященные исследованию русского литературного языка в его сложных стилистических функциях, в его связях с творчеством писателей, а также изучению индивидуального стиля в его отношении к развитию литературного языка, показали пример того, как путем привлечения разнообразных объективных данных известное языковое явление может быть освещено со стороны той роли, которую оно играло в системе определенного стиля. Как позволяют судить памятники литературы, деловой письменности, отражение устной разговорной речи в составе литературных произведений, само развитие языка непосредственно связано с изменениями в стилистической роли и оттенках отдельных языковых элементов. Совершенно прав Р. Г. Пиотровский, когда отмечает, что «стилистические нормы языка изменяются неизмеримо быстрее, чем звуковая система языка, его словарный состав и тем более грамматический строй»². Но следует подчеркнуть, что само изменение всех этих сторон языка происходит в формах смены стилистических систем или смены

¹ Ch. B a i l l y, *Traité de stylistique française*, vol. I, 2-e éd., Heidelberg, 1921, стр. 21.

² Р. Г. П и о т р о в с к и й, О некоторых стилистических категориях, «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 55.

отдельных стилистических оттенков, если понимать под стилем систему конкретного использования языка (во взаимодействии всех его элементов) и вместе с тем средство, выражающее отношение говорящего или пишущего к содержанию высказывания в определенной ситуации.

Тезис о необходимости исторического принципа в стилистике сформулирован и в статье Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики»³. Однако этот тезис не только не находит здесь никакого развития, но, напротив, опровергается всем ходом изложения автора. Отрицая существование «стилей языка» в составе современного русского языка (начиная с Пушкина), Ю. С. Сорокин видит причину этого в высокой степени развитости языка и не отрицает существования «стилей» в более ранние периоды⁴. Таким образом, предполагается, что за промежуток времени, отделяющий Пушкина от Ломоносова, ликвидировались, исчезли, растворились друг в друге стили русского литературного языка. Это положение противоречит объективным данным исследований по истории русского литературного языка и по языку и стилю отдельных писателей, — исследований, которые убедительно и плодотворно оперируют вполне реальным понятием разных языковых стилей как систем, сосуществующих в пределах русского языка на различных этапах его развития и в разных сочетаниях используемых писателями в их произведениях.

Разумеется, не приходится говорить о каком-либо едином стиле новой, новейшей или современной художественной русской (и не только русской) литературы как о четко отграниченной и замкнутой системе. В этом отношении мысли Ю. С. Сорокина, равно как и Р. Г. Пиотровского, не вызывают возражений. Но в отличие от Р. Г. Пиотровского, Ю. С. Сорокин отвергает целесообразность разграничения стилистики литературоведческой и стилистики лингвистической. Это непосредственно связано с отрицанием стилей языка: снимая грань между двумя видами стилистики, Ю. С. Сорокин как бы распространяет на всю область языка положение, справедливое применительно к языку художественной литературы, где, правда, широко используются отдельные стили языка (или хотя бы их элементы), но где нет своих особых языковых стилей, а есть только стили индивидуальные. Это косвенно подтверждается и тем, что Ю. С. Сорокин связывает существование стилей языка в XVIII в. с именем Ломоносова, т. е., по видимому, с теорией трех штилей, имеющей, правда, общелингвистическое содержание, но точнее всего отражающей фактическое состояние именно языка художественной литературы XVIII в.

Статья Ю. С. Сорокина не богата фактическим материалом, исторически мало аргументирована. Между тем подтверждение негативного положения всегда представляет большие трудности, и доказательство положения об отсутствии стилей языка в наше время, об их исчезновении ко времени Пушкина требовало бы приведения убедительных фактических данных, исследовательского показа хотя бы некоторой части исторического материала. Этого, однако, нет. Принцип историзма, вернее ссылка на характер развития русского литературного языка, на исчезновение (не на видоизменение и усложнение, а именно на исчезновение) языковых стилей в ходе этого развития используется автором голословно для подтверждения того, что в современном русском языке языковых стилей не существует. Но положение, на которое ссылается Ю. С. Сорокин для доказательства основного тезиса, как мы уже сказали, само нуждается в доказательстве.

³ «Вопросы языкознания», 1954, № 2.

⁴ См. там же, стр. 81.

Своеобразием стилистической концепции Ю. С. Сорокина является отрицание понятия «стиль языка» во всех его вариантах, отрицание «стиля языка» как реально существующей системы языковых средств, используемых с определенной функциональной направленностью. Ю. С. Сорокин признает существование лишь «стилей речи» как индивидуально конкретных, не требующих обобщения и, повидимому, не поддающихся обобщению, систем пользования языком. Таким образом, по мнению Ю. С. Сорокина, между общенародным языком и языком литературным, с одной стороны, и стилем речи, т. е. стилем индивидуальным (будь то стиль писателя, журналиста, вообще — всякого говорящего или пишущего), с другой, нет никаких промежуточных категорий.

Невозможность проследить и признать такие промежуточные звенья связана для Ю. С. Сорокина, очевидно, с невозможностью найти типичные и повторяющиеся черты в бесконечно разнообразных речевых стилях, объединить эти речевые стили в более общие группы. Дело, конечно, не в термине самом по себе — «стиль языка» или «стиль речи»; между этими двумя обозначениями есть даже некоторая синонимическая связь: «стиль языка» мог бы быть назван и «языковым» или «функционально-речевым стилем» (имея в виду общность черт, свойственных разным формам пользования языком в связи с их близостью по функции, одинаковостью условий или обстановки⁵). Вопрос именно в содержании, которое Ю. С. Сорокин вкладывает в понятие «стиль речи», ограничивая его областью конкретно-единичного, делая упор на многообразии его проявлений, отвергая возможность обобщения, подчеркивая неудовлетворительность сделанных попыток описать «стили языка». При этом индивидуальное своеобразие стилей, которое трудно переоценить, когда мы говорим о художественной литературе и об особенностях авторской манеры (хотя и здесь фактически используются типические черты общеязыковых или, по нашей терминологии, функционально-речевых стилей), оказывается явно преувеличенным по отношению к таким разновидностям, как официально-деловой, или газетно-информационный, или даже научный стиль. Ведь совершенно ясно, что индивидуальность пишущего сказывается в чрезвычайно слабой степени, а фактически часто бывает равна нулю в таких жанрах письменной или книжной речи, как деловая бумага, техническая или служебно-административная инструкция, информационное сообщение в газете, даже передовая, что индивидуально-стилистическое здесь отстает (иногда полностью) перед стандартом, или нормой, или хотя бы основной тенденцией данного речевого стиля⁶.

Наряду с упразднением понятия «стиль языка», другим новшеством, предлагаемым в статье Ю. С. Сорокина, является деление стилистики на

⁵ В целях чисто стилистического удобства автор этих строк предпочитал бы пользоваться термином «функционально-речевой стиль» (или даже просто «речевой стиль») во избежание таких сочетаний, где слишком часто сталкивались бы слово «язык» и образованное от него относительное прилагательное [ср., например, заглавие статьи Н. Н. Амосовой в «Вестнике Ленингр. ун-та» (1951, № 5): «К проблеме языков в их стилях в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка»; разрядка наша. — А. Ф.].

⁶ Автором этих строк сделан опыт описания или характеристики основных языковых признаков отдельных видов или жанров книжно-письменного материала — от официально-делового до художественно-литературного, причем многие виды материала (такие, как газетная информация, специальная научная литература, деловой документ, даже газетная передовая) соответствуют и определенному речевому стилю, другие же представляют слияние нескольких стилей на основе устно-разговорного или книжно-письменного начала в их «чистом» виде или их сочетания в той или иной пропорции (См. А. В. Федоров, Основные вопросы теории перевода, «Вопросы языкознания», 1952, № 5, стр. 8—12; его же, Введение в теорию перевода, М., 1953, стр. 196—205.)

«аналитическую» и «функциональную» взамен широко принятого до сих пор деления ее на стилистику лингвистическую и литературоведческую. Членение стилистики на «аналитическую» и «функциональную» означает, что должны изучаться, с одной стороны, отдельные стилистические элементы языка в их взаимоотношениях и соответствиях (т. е. в синонимических связях) и область их применения, а с другой стороны — их функции с точки зрения разных возможностей взаимодействия в конкретных контекстах.

Такое деление представляется крайне искусственным и внешним. Теоретической предпосылкой его является отрыв функции от ее носителя — конкретного языкового элемента или отрыв языкового элемента от функции. Впрочем и эта предпосылка реализуется не до конца: как можно говорить об определении «границ общенародного употребления слов и форм языка при определенном состоянии его синонимической системы»⁷, отвлекаясь от конкретного функционирования этих слов и форм в разных контекстах, в разных стилях речи?

Из предложенного Ю. С. Сорокиным деления стилистики может быть сделан лишь вывод о необходимости существования единой стилистики как лингвистической науки. В этом отношении мысль Ю. С. Сорокина безусловно заслуживает самого серьезного внимания: он правильно вскрывает то несоответствие, которое существует между содержанием стилистики лингвистической, с одной стороны, и так называемой литературоведческой стилистики, с другой. В том виде, как дается, например, разграничение между этими двумя дисциплинами в «Очерках по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева, оно сбивчиво и, как правильно отмечает Ю. С. Сорокин, отражает отождествление или смешение лингвистической стилистики с семасиологией, а литературоведческой стилистики — со стилистикой лингвистической. Вместе с тем, хотя стилистика литературоведческая обычно определяется как часть науки о литературе, как отдел поэтики, она не может не быть лингвистичной. Основные удачи советских филологов в их исследованиях о языке и стиле отдельных писателей достигнуты на лингвистической основе. Отсутствие лингвистической основы грозило бы литературоведческой стилистике весьма реальной опасностью — превратиться в совокупность беспредметных рассуждений о «приемах» и «образах» вне их языкового выражения, или — что не лучше — в описание образов «своими словами» либо — в более благоприятном случае — словами самого автора, или, наконец, в ряд импрессионистических характеристик и оценок. С другой стороны, так называемая лингвистическая стилистика широко пользуется материалом художественной литературы, рассматривая его, правда, в общеязыковом разрезе. Таким образом, для противопоставления литературоведческой и лингвистической стилистик с точки зрения как метода, так и материала по всей видимости нет основания. Однако, если нет основания для противопоставления, то значит ли это, что нет основания для разграничения?

Между стилем функционально-речевым и индивидуально-литературным авторским стилем при всей их качественной разнице (об этом ниже), как нам представляется, нет непроходимой пропасти. Во-первых, в стиле литературного произведения используются, по-разному сочетаясь, различные функционально-речевые стили общенародного языка. Во-вторых, стиль функционально-речевой и стиль индивидуально-литературный имеют целый ряд общих признаков: и тут и там — определенный отбор элементов языка, наличие системы, организующего принципа в этом отборе и сочетании элементов, далее — осязаемость степени при-

⁷ Ю. С. Сорокин, указ. соч., стр. 82.

вычности или непривычности данного сочетания по отношению к норме общенародного языка или к сложившейся традиции данного стиля, наличие конкретизирующих или даже индивидуализирующих черт, выделяющих данную речь на фоне общенародного языка, в ряде случаев — конкретизация образа говорящего или пишущего, наконец — факт гораздо более быстрой изменчивости, подвижности, меньшей устойчивости по сравнению с языком в целом⁸.

С точки зрения таких общих признаков стилей функционально-речевого и индивидуально-литературного рассмотрение их в рамках одной лингвистической дисциплины казалось бы оправданным. Смысл предлагаемого Ю. С. Сорокиным деления стилистики состоит именно в том, чтобы все многообразие синонимических ресурсов языка и их функционального использования могло изучаться вместе, в одном лингвистическом плане, хотя бы и в двух отдельных аспектах (состава и функций).

Однако Ю. С. Сорокин не учитывает признаков различия между стилем функционально-речевым и стилем индивидуально-литературным. На недооценку этого факта Ю. С. Сорокиным уже обратил внимание Р. Г. Пиотровский, подчеркнув специфику использования языка в художественной литературе как искусстве⁹. К соображениям, высказанным Р. Г. Пиотровским, надо добавить еще и следующее.

Если справедливо положение о том, что «основной предпосылкой для лингвистической постановки вопроса о стиле является проблема отношения средства выражения к выражаемому содержанию»¹⁰, то из него следует вывод также и в отношении стилистики литературоведческой (если придерживаться принятого до сих пор термина), поскольку последняя строится на лингвистической основе и ставит вопрос о стиле лингвистически.

Выражаемое средствами языка содержание, в том числе и содержание литературного произведения, само по себе не служит и не может служить предметом изучения для той или иной лингвистической дисциплины, в том числе и для стилистики. Предметом исследования стилистики является именно о т н о ш е н и е средства выражения к выражаемому содержанию. И именно в этом разрезе содержание, которое может черпаться из самых разнообразных сфер действительности, становится объектом внимания языковеда.

Само содержание, хотя бы и выражаемое средствами языка, представляет категорию нелингвистическую, но язык с этой категорией соотносится, неразрывно связан с нею, и состав языковых средств (слов в прямых вещественных значениях или в значениях переносных, грамматических конструкций и т. д.) в том или ином речевом стиле или в индивидуальном стиле автора зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны говорящего или пишущего. Поэтому стилистика не должна и не может отвлекаться от содержания высказывания (как это, например, возможно в фонетике); ориентирами для стилистики не могут служить только формальные приметы (например, принадлежность слов к определенной части речи, типы предложений, параллелизмы или контрасты между ними и т. д., наличие архаизмов, неологизмов, варваризмов и т. п., употребление слов в прямом или переносном значении). В стилистике отказ

⁸ Подробнее об этом см. в моей статье «О понятии стиля в языкознании» (сб. «Вопросы германской и романской филологии», Л., 1954).

⁹ См. Р. Г. Пиотровский, указ. статья, стр. 66—68.

¹⁰ В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», [М.], 1950, стр. 198.

от изучения роли содержания, от различных форм соотношения с ним языковых средств так же неуместен, как, например, отказ от изучения значений слова в лексикологии.

Роль содержания как господствующего и объединяющего начала во всяком высказывании необыкновенно велика также и с точки зрения жанрово-стилистической. Если бы не роль содержания, то всякого рода отступления от основной стилистической линии (например, использование фамильно-разговорных элементов в полемически-иронических целях в составе специального научного труда) несомненно нарушали бы единство изложения, вносили бы резкий диссонанс. Между тем мы нередко видим, — в частности, в трудах классиков марксизма-ленинизма, — как введение языковых элементов, контрастирующих с обычным тоном научного изложения, не разрушает стилистического единства, а создает новое, более сложное органическое единство, нужный — и часто очень острый — смысловой эффект. Контраст при этом не перестает быть контрастом и ощущается на фоне научного стиля изложения как яркое проявление индивидуальности автора.

В связи с тем, что было сказано о месте содержания в системе понятий стилистики, становится ясным различие задач и объема исследования стилистики лингвистической и литературоведческой.

В функционально-речевых стилях, являющихся объектом изучения лингвистической стилистики, отношение средств выражения к выражаемому содержанию отличается определенным единообразием, устойчивостью для значительного по объему материала и вместе с тем часто может быть установлено на основании небольшого отрывка, поскольку здесь и небольшой отрывок показателен для целого. В индивидуально-литературных стилях — предмете исследования стилистики литературоведческой — это отношение может отличаться чрезвычайным разнообразием внутри одного произведения.

В стилях функционально-речевых содержание часто, так сказать, «локализуется» в рамках определенной ситуации (например, в деловом или дипломатическом документе) или намечается в связи с характером научной темы, как бы значительна она ни была сама по себе и как бы обширен ни был труд, ей посвященный. В стилях художественной литературы содержание, отражая во множестве образов многообразие действительности, вырисовывается в масштабе всего произведения и раскрывается в смене и чередовании различных функционально-речевых стилей, привлекаемых автором, в сочетании различных языковых средств. Тем самым стилистическая роль отдельного языкового средства в составе художественного произведения определяется лишь по отношению к обширному целому. Так, например, роль просторечия в начале и в конце «Стихов о советском паспорте» Маяковского никак не может быть определена в масштабе первых четырех или восьми заключительных строк стихотворения. Взятое само по себе, просторечие здесь — только просторечие; его стилистическая, т. е. художественно-смысловая, роль определяется лишь по отношению к содержанию всего стихотворения: оно, именно как просторечие, по контрасту еще более усиливает и подчеркивает патристический пафос знаменитого стихотворения. Связь с содержанием произведения в целом наделяет иногда некоторые (конечно, далеко не все) слова добавочными значениями, заставляет воспринимать их в более сложной и глубокой перспективе. И, напротив, примеры отдельных словосочетаний и предложений из художественной литературы, используемые вне контекста в пособиях по стилистике, неизбежно теряют эту перспективу, утрачивают свою художественно-смысловую насыщенность, оказываются обедненными, ибо они замкнуты в узкие рамки и могут служить только

для иллюстрации какого-нибудь отдельного явления, интересующего лингвистическую стилистику и характерного для того или иного функционально-речевого стиля.

Можно сказать, что индивидуальные стили художественной литературы отличаются от стилей функционально-речевых: 1) широкой идеологической обусловленностью; 2) особым богатством языковых средств, выражающих отношение автора или героев к содержанию высказывания; 3) использованием и сочетанием элементов различных функционально-речевых стилей общенародного языка на основе объединяющего их идейно-художественного принципа; 4) исключительной качественной сложностью этого сочетания и особым разнообразием составляющих его частей (в том числе черпаемых за пределами общенародного языка диалектизм, варваризм, иногда — жаргонизм, архаизм и т. п.), а тем самым — ярким индивидуальным своеобразием. Отсюда и большая трудность, для каждого конкретного случая, в поисках и определении принципа, объединяющего все многообразие языковых средств литературного произведения. И эти поиски, весь путь исследовательской работы по определению данного принципа возможны только на основе лингвистического анализа рассматриваемых фактов.

Разумеется, этот анализ мыслится как всесторонний, охватывающий явления, относящиеся ко всем сферам языка — фонетике, лексике, фразеологии, грамматике, в той мере, в какой они характеризуют индивидуальную специфику их отбора и использования автором. Звуковая сторона языка в громадном большинстве случаев, за исключением поэзии, где закономерностью является чередование языковых единиц разной силы и где нередко наблюдается преимущественное использование определенных звуков, многократно повторяемых, — представляется наиболее нейтральной с точки зрения возможностей индивидуально-характерного ее использования. Отбор определенных грамматических средств (предпочтение тех или иных форм, типов предложения, соотношений между ними) так или иначе всегда характеризует индивидуальный стиль писателя; но всего ярче и непосредственнее индивидуальность писателя сказывается в области лексики, где в некоторой, пусть слабой степени возможно новаторство, в сфере фразеологии и особенно — в сфере сочетания слов, где для новых и неожиданных связей между отдельными элементами словарного состава открывается исключительный простор.

Несмотря на безграничность, казалось бы, многообразие возможных сочетаний, допускающих самые неожиданные связи и столкновения слов (ср., например, у Маяковского в «Стихах о советском паспорте» — «с двухспальным английским лёвою», «краснокожую паспортину» и др.), весь этот круг явлений нельзя относить к области абсолютного авторского «произвола» или «новаторства»: последнее, с одной стороны, ограничивается некоторыми лексическими нормами словосочетаемости, с другой стороны, требует мотивировки широким контекстом произведения, общими принципами его построения, допускающими, например, большие контрасты в чередовании стилистических окрасок, и контекстом более узким, т. е. предметом данного конкретного высказывания, его вещественным содержанием. Как бы то ни было, именно здесь — в вопросе о словосочетаемости, о возможностях соединения и сочетания слов с точки зрения их семантики и стилистической окраски, — широкое, еще почти нетронутое поле для исследования в разрезе литературоведческой стилистики на основе стилистики общенародного языка; только эта последняя может дать надежный критерий для выявления новизны, свежести тех или иных сочетаний и для суждения об их оправданности.

В плане литературоведческой стилистики как дисциплины, имеющей

лингвистическую основу, раздел о словосочетаемости приобретает особую важность еще и потому, что именно в нем — место для рассмотрения вопроса о тропах, явлении столь важном для характеристики индивидуально-художественных стилей. Учение о тропах в том виде, как оно обычно дается до сих пор в пособиях по теории литературы, — едва ли не самый архаический по своим традициям раздел стилистики. Классификация и характеристика тропов строится обычно на признаках не столько языкового, сколько предметно-логического характера: вместо слов, как категории лингвистической, здесь часто анализируются обозначаемые вещи или понятия — вне специфики семантических оттенков или стилистических окрасок, свойственных словесному обозначению этих вещей или понятий в данном национальном языке.

*

Следует подвести некоторые итоги. Хотя нет оснований для ретивого предложения стилистики лингвистической и стилистики литературоведческой и хотя обе эти дисциплины частично затрагивают общий материал, р а з г р а н и ч е н и е все же возможно и нужно. Поскольку художественная литература оперирует материалом общенародного языка, который здесь, правда, несет специфические функции, постольку стилистика литературоведческая в той мере, в какой ее основа лингвистична, образует как бы особую область в пределах стилистики лингвистической, внутри ее, но на грани с областью литературоведения. Правильнее, пожалуй, было бы говорить о стилистике общенародного языка, с одной стороны, и о стилистике художественной речи, или о стилистике языка художественной литературы, с другой. При такой номенклатуре характер их соотношения становится более ясным.

В круг задач стилистики художественной речи должно войти рассмотрение вопросов стиля не только художественной литературы, но и таких произведений общественно-политической литературы, публицистики, ораторской речи, которые по характеру сочетания в них элементов разнообразных функционально-речевых стилей, по богатству смысловых оттенков, по яркой индивидуальной окраске, наконец, по широте своей идеологической обусловленности родственны именно художественной литературе. Эту ветвь стилистики — стилистику художественной речи — с «функциональной стилистикой» Ю. С. Сорокина будет сближать одна особенность — необходимость считаться с чрезвычайным многообразием различных случаев отбора, выбора и использования языковых средств, с гораздо большей трудностью обобщения и рубрификации, чем в стилистике общенародного языка.

Стилистику художественной речи (иначе — литературоведческую стилистику) мы в праве считать реально существующей научной дисциплиной, поскольку она представлена серьезными и глубокими исследованиями о языке и стиле отдельных писателей. Но систематического обобщающего труда или пособия в этой области, даже попытки обобщения — вроде, например, «Очерков по стилистике русского языка» проф. А. Н. Гвоздева, посвященных разработке стилистики языка общенародного, — мы еще не видели: ведь нельзя считать подобными попытками то немногое, что дается, притом в очень рутинной форме, в учебниках по теории литературы, в главах или разделах, посвященных «стилистике» или «языку художественных произведений».

Обобщающий труд по стилистике художественной речи — дело будущего и, может быть, даже не очень близкого. Создание такого труда во многом зависит от успешной разработки вопросов стилистики общена-

родного языка и от дальнейших специальных исследований о стиле писателей. Контуры этого будущего труда еще туманны. Ясно, повидимому, то, что начало его составит углубленная разработка понятия функционально-речевых стилей общенародного языка в связи с их использованием в языке художественной литературы, уточнение понятия стилистической окраски языковых элементов; отправляясь от этих понятий, уточненных и углубленных, можно будет исследовать и обобщить различные типы авторского повествования и речи героев и на их фоне выявить функциональное значение отдельных языковых средств, по-разному применяемых в разных контекстах. Ясно и другое: такой труд должен быть историчен. Историческая обусловленность языковых и, в частности, стилистических явлений, изменение стилистической окраски одних и тех же элементов выступает особенно ярко при наблюдениях над материалом художественной литературы. Отсюда — особая важность прослеживания всех путей стилистического развития языка художественной литературы в творчестве отдельных писателей, в деятельности школ и направлений, необходимость изучать даже самые тонкие оттенки языковых средств в их постепенных изменениях. Но отсюда же — серьезные трудности и опасности работы, состоящие в том, что внимание исследователя может расплыться, что многообразие частных может помешать обобщению. В преодолении этих трудностей огромную помощь исследователю должно оказать понятие стилей языка (или — в нашем понимании — функционально-речевых стилей) — категории, которая, вопреки утверждению Ю. С. Сорокина, не перестала существовать, а развивалась и развивается вместе с русским общенародным языком.